Захаровский Л. В. Учебные заведения системы Государственных трудовых резервов СССР в 1941—1954 годах: адаптация к миграционному воздействию (по материалам Свердловской области) / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 267—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-267-285.

Zakharovsky, L. V., Razinkov, S. L. (2021). Educational Institutions of the System of State Labor Reserves of the USSR in 1941—1954: Adaptation to Migration Impact (Materials from the Sverdlovsk Region). *Nauchnyi dialog, 1:* 267-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-267-285. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8:37

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-267-285

Учебные заведения системы Государственных трудовых резервов СССР в 1941—1954 годах: адаптация к миграционному воздействию (по материалам Свердловской области)¹

- © Захаровский Леонид Владимирович (2021), orcid.org/0000-0003-0951-2080, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), konung-75@mail.ru.
- © Разинков Сергей Львович (2021), orcid.org/0000-0002-0018-7931, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (Екатеринбург, Россия), sergerazinkov@mail.ru.

Рассматривается опыт адаптации учебных заведений региональной системы стационарной подготовки квалифицированных рабочих кадров в условиях миграционного воздействия в 1940-е — первой половине 1950-х гг. Освещается ряд подходов в современной отечественной и зарубежной историографии, постулирующих существование, наряду с карательными и принудительными механизмами обеспечения лояльности советского рабочего класса, ряда управленческих практик, обеспечивавших значительную поддержку государственной политики «снизу», со стороны рабочих масс. Показано, что осознание невозможности широкого применения принудительно-карательных механизмов без ограничения формировалось непосредственно в период реализации государственной политики 1940 — середины 1950-х гг., оно было представлено в том числе и в среде руководителей системы подготовки молодых квалифицированных рабочих — Государственных трудовых резервов. Отмечается, что подобное понимание приводит уже в начале 1940-х годов, в тяжелейших условиях начального периода Великой Отечественной войны, к выработке в среде руководства учебных заведений и регионального управления Государственных трудовых резервов механизмов адаптации учебных заведений

Статья написана в рамках исследования, выполняемого за счет средств РФФИ (проект № 19-09-00396).

и учащихся к комплексу проблем, вызванных мощным миграционным воздействием. Авторами выявлены четыре группы таких механизмов, обеспечивавших минимально достаточный уровень лояльности учащихся к решению учебных и производственных задач: агитационно-информационные; организационные; экономические и материально-бытовые; социокультурные.

Ключевые слова: Государственные трудовые резервы; Свердловская область; миграционные потоки; механизмы адаптации учебных заведений; эвакуация; межобластные перевозки призывников.

1. Постановка проблемы исследования

Создание Государственных трудовых резервов — новый этап в становлении отечественной системы профессионально-технического образования. Его качественным отличием являлось создание централизованной системы стационарной подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров, мобилизационные механизмы которой позволяли интегрировать ее в стратегию экономического и территориального развития СССР. Решение задач пространственного развития выразилось в практике межрегиональных перебросок призывников из трудоизбыточных, преимущественно сельскохозяйственных районов в регионы опережающего индустриального развития, испытывавшие дефицит трудовых ресурсов. Свердловская область в 1940-е — середине 1950-х гг. относилась к числу регионов, в которых межобластные перевозки призывников в существенной степени формировали контингент учащихся — в 1940-е годы более 4 % учащихся ремесленных училищ и более 45 % учащихся школ ФЗО были призваны из других регионов страны (подсчитано по: ГГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 203; ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 2]). Свердловская область в 1940-е годы становится регионом, в котором в максимальной степени концентрировались все основные противоречия, присущие системе Государственных трудовых резервов. В этот период на состояние региональной системы профтехобразования одновременно оказывали влияние эвакуация учащихся из западных районов страны, межобластные перевозки призывников, передача в учебные заведения освобожденной от уголовного наказания молодежи, первоочередной прием воспитанников детских домов, призыв местной колхозной и сельской молодежи.

Сочетание различных источников формирования контингентов учащихся потребовало создания механизмов адаптации региональной системы трудовых резервов к интенсивному миграционному воздействию. Причем под адаптацией руководство управления понимало не столько улучшение материально-бытового положения учащихся, сколько достижение такого состояния контингента, которое обеспечивало бы достижение заданных учебных и производственных показателей. Инструментом адапта-

ции выступала система оперативных управленческих практик, создающих организационные, экономические, социальные и педагогические условия для выполнения учебных и производственных планов на уровне конкретных учебных заведений и регионального управления в целом.

Проблема исследования заключается в идентификации совокупности механизмов адаптации региональной системы Государственных трудовых резервов к миграционному воздействию и оценке опыта их использования.

2. Дискуссии о работе Государственных трудовых резервов

В постсоветской отечественной и современной зарубежной историографии преобладает интерес к принудительным и карательным механизмам управления в деятельности Государственных трудовых резервов. Так, С. П. Постников и М. А. Фельдман характеризуют государственные трудовые резервы как сложное и противоречивое образование, воплощающее тенденцию «усиления централизации управления и командных методов подготовки рабочих кадров», и подчеркивают очень высокую социальную цену создания этого института, который основывался «на принуждении молодежи при комплектовании учебных заведений и в ходе учебного процесса» [Постников и др., 2004, с. 202].

А. А. Антуфьев, допуская правомерность и даже неизбежность введения трудовой повинности в условиях войны, отмечает, что «мобилизовывать рабочую силу следовало цивилизованными средствами, предоставляя людям максимально возможные в той обстановке условия труда и быта», а не «бериевскими методами» [Антуфьев, 1992, с. 318].

В работах целого ряда зарубежных авторов (Д. Фильцер, С. Коткин, П. Холквист), посвященных изучению советского рабочего класса, содержится описание сходных с механизмами адаптации в системе Государственных трудовых резервов управленческих практик по обеспечению лояльности рабочих через профсоюзные и общественные организации. Исследователи рассматривают механизмы властного контроля, внедренные в сознание самого человека как форма общественного «дискурса», диктующего те или иные способы самовыражения и самоидентификации.

Кроме того, западные ученые обращают особое внимание на принудительный, мобилизационный характер комплектования системы Государственных трудовых резервов, ее антигуманистическую сущность и высокую социальную цену результатов деятельности. Так, Д. Фильцер рассматривает учащихся училищ и школ ФЗО в качестве социальной группы временно закабаленных рабочих, сложившейся в результате введения системы трудовой повинности, при этом призыв учащихся в школы ФЗО

«мало отличался от способов, которыми в царское время набирали рекрутов в армию» [Фильцер, 2011, с. 56].

Британский исследователь Ольга Кучеренко делает акцент на изучении положения детей, оказавшихся вовлеченными в процесс индустриального развития страны, рассматривая в связи с этим государственные трудовые резервы как органичную часть сталинской тоталитарной системы, нацеленной на социализацию и идеологическую обработку молодежи, лишенной права выбора профессии ради обеспечения нужд промышленности. В работе «Государство против Данилы Кузьмича» О. Кучеренко противопоставляет идеологические цели и пропагандистский образ мобилизации в Государственные трудовые резервы реальному положению учащихся училищ и школ ФЗО, по сути, лишенных детства: «Условия жизни и труда всех советских рабочих во время войны были ужасны, но рабочие-подростки и учащиеся трудовых резервов обычно влачили гораздо более жалкое существование, чем их взрослые коллеги. Они работали дольше, чем разрешено законодательством, получали более низкую заработную плату и в случае, если их забирали от родителей, страдали от ужасного окружения, которое часто толкало их на путь столкновения с законом. По существу, они скорее походили на беспризорников эпохи гражданской войны, ведших полукриминальное существование, чем на умных, ухоженных, дисциплинированных и умелых ребят из официальной литературы» [Kucherenko, 2012, р. 393].

В современной отечественной и западной историографии, затрагивающей проблему положения учащихся Государственных трудовых резервов в период наивысшего миграционного воздействия, внимание исследователей акцентируется на принудительных и карательных механизмах обеспечения лояльности учащихся. В объективной исторической реальности такие практики среди учащихся не могли применяться чересчур широко, что отмечалось и региональными партийными руководителями: «На такие меры, чтобы наказывать сплошь и рядом, [мы] не можем пойти» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 101] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Представители современной отечественной социологии рассматривают социальную адаптацию как процесс активного приспособления индивида к социальной среде, который «проявляется в обеспечении условий, способствующих удовлетворению потребностей человека, реализации его интересов, достижению жизненных целей. Социальная адаптация включает в себя приспособление, прежде всего, к условиям и характеру труда, характеру межличностных отношений, культурной среде, условиям проведения досуга, к бытовой обстановке» [Ситникова, 2013, с. 112].

Таким образом, современные исследователи признают неодномерность природы управленческих практик, применявшихся в системе Государственных трудовых резервов, сочетавших в себе как принудительно-карательные, так и организационно-мотивационные механизмы, однако свое основное внимание сосредоточивают преимущественно на первой группе механизмов. Комплексное изучение организационно-мотивационных механизмов, особенно в условиях интенсивного миграционного воздействия, становится все более актуальной научной задачей.

3. Миграционное воздействие на учебные заведения трудовых резервов в 1940-е годы

Анализ различных типов исторических источников показал, что применительно к деятельности региональной системы образования миграционные потоки не только усиливали существующие проблемы, но и порождали ряд новых.

Во-первых, были проблемы, связанные с низким уровнем мотивации к обучению профессии у многих учащихся (в основном, школ ФЗО), мобилизованных в Свердловскую область из других регионов СССР, которые представляли собой преимущественно сельских жителей с невысоким уровнем образования, отобранных по остаточному принципу и принудительно отправленных за сотни километров от дома для обучения и использования на непривычных им, физически тяжелых или неквалифицированных, невостребованных среди местной молодежи работах. Так, ребята из Кировской области, привезенные в ноябре 1945 года в школу ФЗО № 36 Первоуральского динасового завода, хотели бы «учиться на более высокую квалификацию, чем прессовщики огнеупора», а среди молодежи из Башкирии, мобилизованной в шахтерскую школу ФЗО № 10, «было распространено мнение, что в шахте погибают ежедневно люди по нескольку человек, о чем они писали письма на родину, мотивируя этим свое намерение оставить школу» [ЦДООСО, ф. 236, оп. 5, д. 82, л. 67—68, 71]; в отчете мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1949 год отмечалось, что «прибывшая [из Тамбовской области] молодежь отказывалась спускаться в шахты», так как при наборе была ориентирована на профессии токарь и слесарь [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 5]. Заместитель директора по политчасти ремесленного училища Шалаев в декабре 1941 года отмечал: «Наше училище металлургическое, а мы получаем в него контингент из сельской местности <...> и сколько мы первое время не разговаривали, каждый желает идти или на слесаря, или на токаря, на электрика, но с первых разговоров он не соглашается с мыслью, что ему придется быть сталеваром, горновым, прокатчиком и т. п. И эта мысль у него надолго засаживается в голове. Он на протяжении большого промежутка времени все соображает, как бы ему отделаться от училища, сбежать» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 53].

Во-вторых, прибытие в Свердловскую область эвакуированных училищ и школ ФЗО негативно отразилось на дисциплине и политико-массовой работе в местных учебных заведениях трудовых резервов. Это отмечала в ходе совещания в декабре 1941 года заместитель директора по политчасти одного из ремесленных училищ Неклеенова: «Мы находимся сейчас в очень затруднительном положении. На первый взгляд, казалось бы, что с прибытием московских училищ они нам привезут культуру, образцы поведения. Получилось наоборот, завезли азартную игру, воровство, продажу государственных вещей». И в ответ на возмущенную реплику из президиума: «Словом, громилы к вам приехали», — она подтвердила: «Да, громилы». Заместитель директора по политчасти Ново-Лялинского РУ № 20 Горш подтверждал: «Приехало новое училище <...> у нас появились кражи в общежитии, наблюдаем курение, карточную игру, причем это в массовом размере». Это, по его мнению, было связано с более чем трехмесячным перерывом в трудовой деятельности эвакуированных учащихся [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 26, 33].

Приведенные выше фрагменты официальных стенограмм совещания заместителей директоров по политчасти ремесленных училищ свидетельствуют, по нашему мнению, о сложившейся в среде местной образовательной бюрократии тенденции к разделению учащихся на «наших» и «не наших». Так, инспектор Свердловского управления государственных трудовых резервов Тынтеров, критикуя (и одновременно косвенно поддерживая) такое разделение, отмечал: «Возьмите 5-е ФЗО <...>, приехали эвакуированные учащиеся, ребят нужно было принять, зам. директора по политчасти сидит у себя в кабинете <...> а ребята с сумками ходят около общежития. Какое настроение может быть у ребят, когда мы их приняли не как наших учащихся. И большинство, которые удирают, это не наши учащиеся. У нас начался отсев тогда, когда стала эвакуация» [Там же, л. 33].

Заместитель директора по политчасти Дегтярской школы ФЗО № 3 Шарипова приводила руководителям системы Государственных трудовых резервов П. Г. Москатову и А. Ф. Путинцеву примеры напряженности в отношениях между местными и эвакуированными учащимися: «Были случаи антагонизма между эвакуированными и местными. Сидит в столовой мальчик эвакуированный, ему подали обед. Подходит мальчик из местных ребят к нему, берет его за шиворот и отбросил, а сам сел обедать, говоря,

что он работал, а ты — два месяца бездельничал и не имеешь права в первую очередь обедать». При этом П. Г. Москатов подтвердил, что подобные настроения «есть не только среди учащихся, но и [среди] руководителей, что эвакуированные — это чужие люди» [Там же, лл. 93—94].

В ряде случаев эта напряженность выливалась в открытые столкновения между большими, организованными группами учащихся. Документы различных ведомств фиксируют факты нескольких массовых драк, как, например, между московским РУ № 9, эвакуированным в Нижний Тагил, и тагильским РУ № 4 [Там же, л. 38]. Несколько фактов массовых драк между учащимися учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую область из различных регионов страны, приводились в письме заместителя наркома юстиции РСФСР И. Перлова начальнику ГУТР П. Москатову. Так, 29 января 1942 года в Свердловске произошла массовая драка между учащимися московского ремесленного училища № 1 и РУ № 18, эвакуированного из г. Калинин, в ходе которой «использовались ножи, топоры, зубила, молотки, палки со свинцовыми набалдашниками»: «В результате был зверски убит учащийся РУ № 1 комсомолец Алексей Кузнецов, ранены и избиты еще пять учеников» [Захаровский и др., 2019, с. 316].

В-третьих, на состояние дисциплины во многих школах ФЗО и ремесленных училищах влиял специфический состав контингента учащихся, среди которых значительную долю могли составлять ранее судимые подростки (как, например, в Серовском ремесленном училище № 5: в конце 1942 года из 1200 человек 500 чел. были приняты туда из мест заключения). В справке ГУТР о передаче освобождаемых несовершеннолетних заключенных в школы ФЗО, РУ и ЖУ (январь 1943 года) содержалась информация о том, что в Свердловской области «из принятой молодёжи 1700 чел. — 200 чел. оказались сильно истощёнными, в том числе из принятых в школу ФЗО № 5 (Верхняя Салда) 186 чел. — 40 чел. оказались рецидивистами, которые занялись воровством. Из 150 чел., принятых в Асбестовскую школу ФЗО № 13 — 50 человек вновь были арестованы за квартирные кражи, за кражи домашнего скота и обворовывание магазинов» ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 204, л. 2 об]. Как отмечалось в отчетах Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947—1949 годы, среди отчисленных за нарушение правил внутреннего распорядка «значительный процент падает за счет совершения воровства и хулиганства, особенно эти проступки проявляются со стороны молодежи, прибывшей из трудовых колоний и детприемников Министерства внутренних дел. Так, например, в январе месяце 1947 г. из колонии имени Матросова Башкирской АССР в Алапаевские школы ФЗО прибыло 85 человек, которые с первых же дней начали заниматься воровством и хулиганством. В школу ФЗО № 6 прибыло 30 чел., из которых за кражу и подлом склада было привлечено к ответственности 15 человек ... В Свердловской школе ФЗО из прибывших 14 человек на занятия систематически не выходили, а занимались воровством и пьянством, впоследствии часть из них была посажена, а часть самовольно ушли» [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 70—71].

Четвертая группа проблем связана с нехваткой (в результате интенсивного миграционного воздействия) материальных ресурсов для нормального функционирования учебных заведений. Множество частных случаев, приведенных представителями училищ, резюмировал начальник отдела снабжения Свердловского областного управления трудовых резервов Черепанов: «По части обуви, одежды и т. п., благодаря тому, что у нас большой наплыв, в нашу область, из эвакуированных областей из прифронтовой полосы, мы полностью обеспечить людей не можем. Мы располагали фондами Урала, у нас 30 тыс. чел, и то их обеспечить не могли. Сейчас к нам еще приехали 15 тыс. человек, мы их должны обуть, одеть нашими же фондами, никаких дополнительных фондов мы не получили» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 77].

Таким образом, имевшиеся в довоенный период проблемы в деятельности системы профессионально-технического образования Свердловской области на этапе массовой эвакуации значительно обострились, а ряд из них приобрели критический характер.

4. Механизмы адаптации учебных заведений трудовых резервов Свердловской области к миграционному воздействию

Система Государственных трудовых резервов к решению многих обозначенных проблем была совершенно не готова, но не имела возможности отменять или существенно изменять утвержденные планы своего развития. Сложившаяся ситуация привела к тому, что руководителям среднего и нижнего звена для обеспечения недопущения срыва учебного процесса и выполнения производственных заданий (в том числе оборонных) пришлось вырабатывать механизмы адаптации к возникшим неотложным проблемам. Многие из принимаемых решений не вписывались в установленные для системы трудовых резервов правила и процедуры, что потребовало их корректировки, которая производилась посредством обсуждения конкретных найденных способов решения частных проблем на различных совещаниях регионального уровня (директоров училищ и школ, помощников директоров по политической части) и последующего тиражирования в виде распорядительных документов областного управления трудовых резервов. Авторы назвали такой способ решения частных, но массовых, ха-

рактерных для многих училищ и школ проблем *механизмами адаптации*, которые можно условно разделить на несколько групп: информационные, организационные, экономические и социокультурные. Далее рассмотрим практику применения каждого механизма.

Информационные механизмы — система взаимосвязанных мероприятий по популяризации призыва в Государственные трудовые резервы среди молодежи, проводимых региональными управлениями трудовых резервов, районными органами власти и конкретными учебными заведениями.

Данные архивных источников свидетельствуют, что одним из наиболее распространенных мероприятий такого рода являлась *отправка агитбригад, «докладчиков» в районы призыва* (из числа руководящих работников училищ). Только в 1949 году было отправлено в другие области 200 работников-агитаторов [ГАСО, ф. p-2033, оп. 1, д. 44, л. 8].

Повышению привлекательности системы Государственных трудовых резервов и конкретных учебных заведений путем прямой агитации способствовало также *централизованное изготовление и распространение* в районах призыва агитационных материалов (плакатов и воззваний). Так, к призыву в ремесленные и железнодорожные училища в 1950 году Свердловское областное управление трудовых резервов напечатало типографским способом и разослало в 35 училищ 20 000 экземпляров объявлений о приеме, открыток и листовок (дополнительно к агитационным материалами, полученным из Москвы) [Там же, л. 28].

Широко применялись радиовыступления и доклады учащихся и руководящего состава областного управления, в том числе «выступление по радио со статьей, посвященной набору» [Там же, л. 29] начальника управления, направление в районы призыва опытных докладчиков из числа руководящих работников училищ и школ ФЗО. Однако в докладах и выступлениях зачастую не акцентировалось внимание аудитории на ключевых вопросах призыва, что не способствовало повышению мотивации призываемой молодежи. Так, при проведении призыва в школы ФЗО угольной промышленности, металлургии и строительства в феврале-марте 1948 года в Кировской области «молодежь слабо была ознакомлена с вопросами значения трудовых резервов в новой Сталинской пятилетке, с условиями и бытом школ ФЗО, о преимуществах и льготах для рабочих угольной промышленности и металлургов и т. д.» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 48, д. 1084, л. 120]. В ходе призыва для школ ФЗО Свердловской области в марте-апреле 1949 года в Удмуртской АССР «разъяснительная работа <...> проводилась недостаточно, особенно среди молодежи, направляемой в школы горнорудной промышленности» [Там же, оп. 49, д. 851, л. 83], в Кировской области — «постановление правительства о льготах, установленных для рабочих угольщиков и металлургов, не разъясняется» [Там же, д. 852, л. 11].

Использовались для привлечения учащихся и более тонкие, исподволь воздействовавшие на настроения молодежи, механизмы популяризации соответствующих учебных заведений, в частности, *проведение выставок изделий учащихся* ремесленных училищ и школ ФЗО [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 67].

Руководством областного управления трудовых резервов было инициировано массовое написание учащимися училищ и школ ФЗО писем на места — своим товарищам и землякам с призывом поступать в училища и школы. В то же время на адресатов подобных писем, особенно в регионах за пределами Свердловской области, гораздо большее влияние оказывали негативные отзывы дезертиров из прежних призывов, самовольно покинувших уральские школы ФЗО и вернувшихся на свою «малую родину». Например, из 921 чел., отправленного в 1946 году из Чувашской АССР в школы ФЗО Свердловской области, самовольно вернулись обратно более 800 чел. Как отмечалось в докладной записке уполномоченного Госплана по республике, «эта молодежь <...> при попустительстве местных органов власти безнаказанно проживает в своих семьях, работает в учреждениях и колхозах, оказывая отрицательное влияние на молодежь, подлежащую очередному призыву» [РГАЭ, ф. 4372, оп. 48, д. 1087, л. 115]. Уполномоченный Госплана по Тамбовской области в апреле 1949 года отмечал, что «отрицательное влияние на ход призыва» оказала молодежь, самовольно вернувшаяся в 1948 году из школ ФЗО Свердловской и Кемеровской областей (от 30 до 50 % призванных) по причине неудовлетворительных учебно-производственных и бытовых условий [Там же, оп. 49, д. 851, л. 71].

Информационные механизмы адаптации призывников из других регионов страны использовались и непосредственно в период обучения. Недостаточная эффективность призывов и воззваний как средства мотивации побуждала к поиску более сложных её форм, одной из которых стало включение в состав мероприятий по политической пропаганде и агитации *«производственно-технической пропаганды»*, целью которой являлось привитие любви к выбранной профессии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 53].

Практика показала, что наиболее эффективно информационные механизмы адаптации работали там, где они применялись обдуманно и «точечно». Именно оценка практических результатов использования информационных механизмов адаптации востребовала перенос центра агитационной работы в общежития (как рассадник хулиганства и антисистемных настроений), который предполагал периодические обходы общежитий агитато-

рами, мастерами производственного обучения и руководителями учебных заведений «с беседами и читками [газет]» [Там же, л. 34, 62].

Организационные механизмы — управленческие практики (как закрепленные в распорядительных документах, так и неформальные традиции), направленные на приспособление стандартных для Государственных трудовых резервов процедур к специфическим проблемам, возникающим в деятельности конкретных учебных заведений.

Резкий рост контингента учащихся в учебных заведениях системы Государственных трудовых резервов на территории Свердловской области за счет призывников из других регионов, которые не всегда в достаточной степени владели русским языком, обусловил необходимость увеличения количества работников областного управления и пополнения штатов мастеров кадрами, способными обеспечить обучение такого контингента. В связи с этим в областях и республиках, принимавших наибольшее количество призывников из других районов страны, была начата подготовка кадров мастеров из представителей тех национальностей, которые завозились из других регионов, производилось увеличение штатов ряда региональных управлений Государственных трудовых резервов «в связи с увеличением контингентов учащихся РУ, ЖУ и школ ФЗО». В 1941 году штат Свердловского облуправления был увеличен до 41 человека — наибольшее количество среди всех 17 упомянутых в приказе ГУТР региональных управлений [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 18, л. 131].

Увеличение контингента учащихся значительно превышало реальные возможности областных учебных заведений. Поэтому мероприятия по оптимизации сети учебных заведений: слияние маломощных училищ одного профиля, создание при эвакуированных в область заводах новых учебных заведений и другие меры — сопровождались из-за нехватки аудиторного фонда проведением занятий в 2—3 смены.

Тяжелые условия обучения и проживания, особенно в период создания системы Государственных трудовых резервов и первые годы Великой Отечественной войны, обостряли проблемы сохранения контингента учащихся и обеспечения дисциплины.

Среди практических мер, направленных на сохранение контингента, наибольший масштаб имела *отправка представителей областного управления и учебных заведений в районы призыва для возвращения самовольно ушедших учащихся*. Например, в марте 1941 года представитель Свердловского управления трудовых резервов находился в Башкирии, осуществляя призыв 70 человек вместо сбежавших 70 башкирских призывников [ЦДООСО, ф. 4, оп. 36, д. 908, л. 24]; заместитель директора по политчасти

Первоуральской школы ФЗО № 24 Рукомойникова осенью 1941 года посетила «26 человек родителей в Казахстане, была у председателей колхозов, МТС» [Там же, оп. 35, д. 299, л. 15]. Подобные меры не всегда были достаточно эффективными: так, школа ФЗО № 71 в начале 1946 года направила в Кировскую область делегацию в составе 5 сотрудников и 3 лучших учеников, которая за два месяца пребывания истратила 8000 руб. (весь лимит командировочных расходов, отпущенных школе на год) и смогла вернуть назад только шесть человек из 176 учащихся-уроженцев Кировской области, сбежавших из школы в ноябре 1945 — марте 1946 годов [ЦДООСО, ф. 236, оп. 5, д. 82, л. 36—37].

Сложность и невысокая эффективность подобной меры, особенно в послевоенный период, побудила руководство областного управления Государственных трудовых резервов ходатайствовать в Главное управление о закреплении за Свердловской областью конкретных регионов призыва учащихся в школы ФЗО (Тюменская, Кировская и Омская области), поскольку «призванные оттуда хорошо закрепляются на стройках и предприятиях после выпуска из школ ФЗО». В 1945—1947 годах мобилизация молодежи в школы ФЗО Свердловской области производилась в 16 различных регионах СССР, что делало невозможным налаживание «планомерной и систематической разъяснительной работы» с призывниками и создание «кадров мастеров и воспитателей из числа тех национальностей, из которых завозят молодежь» [ГАСО, ф. р-2033, оп. 1, д. 44, л. 71].

Не менее сложной и требовавшей применения различных адаптационных мер являлась проблема обеспечения дисциплины в учебных заведениях. Особого внимания требовали такие категории учащихся, как воспитанники детских домов и освобожденные от наказания молодые заключенные, переданные на обучение в трудовые резервы. Одной из наиболее эффективных адаптационных мер оказалась дифференциация количественного состава учебных и производственных групп для различных категорий учащихся. В учебных заведениях трудовых резервов применялась практика сокращения состава производственных групп, в которых преобладали освобожденные от наказания молодые заключенные, до 15—20 человек, а также выделения воспитателя «на каждые 40—50 человек, что необходимо из следующих соображений: опыт работы показал, что ребята охотно слушали беседы, читки газет, но как только воспитатель отошел, все газеты рвут и делают свое дело, и на 100 человек воспитатель не может находиться все время с ребятами, он переходит из группы в группу» [ГАРФ, ф. р-9507, д. 240, л. 114].

Наиболее сложной проблемой являлось обеспечение дисциплины в ученических общежитиях. Для этого широко применялось введение комен-

дантских постов на каждом этаже общежитий: «медицинских сестер, комендантов, военно-физкультурных работников и техничку — раскрепили по этажам. За этаж отвечает комендант, т. е. за постельные принадлежности, за то, чтобы ребята своевременно ходили в баню» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 97]. Для решения проблемы обеспечения дисциплины, обострившейся в связи с массовым прибытием нового контингента, в РУ № 3 была апробирована практика привлечения учащихся к организации караульной службы в учебном заведении (в том числе, в общежитии) на основе устава РККА. Опыт организации 7 караульных постов на 12 человек, которые «дежурят по 6 часов и после дежурства они имеют возможность отдыхать 8 часов до вступления на работу», был признан успешным [Там же, л. 40].

Помимо этого, практиковалось расселение контингентов из разных регионов призыва по разным комнатам в общежитиях: «все учащиеся, приехавшие вновь <...> расселены по производственному принципу <...>, оказались в самых различных комнатах» [Там же, л. 33].

В значительной степени дисциплина среди учащихся зависела от способности руководства училищ и школ, а также мастеров установить личные контакты с учащимися, основанные на взаимном уважении. Этому способствовала подготовка мастеров и помощников мастеров производственного обучения из среды «учащихся, закончивших школы через семинары и курсы, вместо ушедших на фронт мастеров старших возрастов». Приказом ГУТР № 691 от 20.11.1941 была утверждена «Программа семинара для помощников мастеров школ ФЗО, РУ и ЖУ», рассчитанная на 90 учебных часов [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 18, л. 143—152]. В результате к 1945 году в школах ФЗО Свердловской области работали мастерами учебно-производственных групп 193 чел. выпускников (что составляло 37 % от общего числа мастеров) [Там же, д. 402, л. 41].

В декабре 1941 года на совещании заместителей директоров по политчасти училищ и школ ФЗО Свердловской области в нескольких выступлениях была поднята проблема призыва военруков учебных заведений в РККА и предложено (по аналогии с мастерами) готовить военруков из среды учащихся [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 40]. В 1943 году широко распространилась практика подготовки «из лучших учащихся помощников военруков», которые «проводят занятия с учащимися вполне удовлетворительно» [ГАРФ, ф. р-9507, оп. 1, д. 294, л. 24].

Экономические и материально-бытовые механизмы — система мероприятий, направленных на обеспечение для учащихся минимально необходимых жизненных стандартов в целях мотивирования их учебной и производственной активности.

На протяжении всего рассматриваемого в данной работе периода материально-бытовое обеспечение учебных заведений оставалось весьма скудным. Особенно сложной ситуация была в период Великой Отечественной войны. В целом ряде учебных заведений возникали трудности с обеспечением минимального уровня питания учащихся. Выход был найден в организации подсобных хозяйств. В соответствии с постановлением СНК от 2 апреля 1942 года № 433 Главному управлению трудовых резервов разрешалось «в целях улучшения питания учащихся <...> организовать подсобные картофельно-овощные хозяйства при ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», при этом половина продукции подсобных хозяйств должна была передаваться столовым Наркомторга СССР в счет установленных норм питания учащихся, а другая половина, сверх этих норм, для улучшения питания учащихся. Все работы в подсобных хозяйствах должны были проводиться учащимися в свободное от производственного обучения время. Значимость этого механизма показывает тот факт, что для сохранения трехразового питания учащихся в 1943 году, помимо привлечения дополнительных фондов, использования «собственной» части продуктов подсобных хозяйств и децентрализованных закупок, учебные заведения трудовых резервов Свердловской области (в г. Нижний Тагил, Первоуральск и т. д.) были вынуждены использовать и предназначенную для отделов рабочего снабжения (ОРС) часть урожая подсобных хозяйств на дополнительное питание учащихся [Там же, л. 37].

Недостаточность фондов областного управления трудовых резервов, не получившего никакой дополнительной поддержки, несмотря на резкий рост контингента в 1941—1942 годах, вынуждала к максимальному использованию имеющихся скудных ресурсов. В соответствии с радиосхемой начальника Государственного управления трудовых резервов (ГУТР) П. Г. Москатова от 7 октября 1941 года директорам школ ФЗО и училищ предписывалось «проявлять в связи с войной инициативу в порядке децзакупа (децентрализованных закупок материально-технических средств. — Л. З., С. Р.)»; кроме этого, широко использовалась практика самостоятельного изготовления в училищах и школах одежды, головных уборов, обуви, использование в качестве кружковой деятельности учащихся в свободное время занятий по ремонту обуви и белья [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 41], прикрепление училищ к пошивочным и сапожным мастерским промартелей (для обеспечения одеждой и обувью).

Одна из наиболее острых проблем, вызываемых миграционными потоками в рассматриваемый период, — нехватка жилой площади для размещения учащихся — нередко вынуждала *использовать под общежития*

помещения иного назначения. Так, в г. Серове часть заводских бараков была освобождена от проживавших там заключенных и предоставлена под размещение учащихся; завод № 707 разместил общежития школы ФЗО на площадях, предоставленных ему Индустриальным институтом только для производственных целей, вопреки неоднократным требованиям горсовета освободить эти площади [Там же, оп. 38, д. 221, л. 33].

Социокультурные механизмы — комплекс организационных, воспитательных и педагогических мер, нацеленных на сплочение различных категорий учащихся в процессе решения производственных и учебных задач.

Миграционные потоки, воздействовавшие на сеть учебных заведений Государственных трудовых резервов Свердловской области, вызвали ряд проблем, имевших социокультурный характер. Среди них наиболее распространенными оказались конфликты между местными призывниками и учащимися из других регионов, доходившие до массовых драк и поножовщины, а также распространенное среди призывников из сельской национальной глубинки нежелание работать в промышленности. Необходимость решения данных проблем обусловила разработку целого спектра адаптационных механизмов, наиболее эффективные из которых широко тиражировались в учебных заведениях. Для нормальной коммуникации местных контингентов с приезжими оказалась полезной практика немедленной организации знакомства под контролем преподавателей и мастеров, предотвращение конфликтов из-за юношеской стеснительности или максимализма. Эффективным было признано и осуществление воспитательной работы в виде совместной полезной деятельности призывниками из разных мест. Ряд эффективных мер был отвергнут региональным управлением по причине их излишней жесткости. Так, в нескольких училищах «за грубость в отношении призванных из других регионов» местных учащихся лишали талонов на питание [ЦДО-ОСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 95].

В целом поиск границы допустимой жесткости по отношению к учащимся, механизмов, используемых при адаптации региональной сети учебных заведений к массовым миграционным потокам, представляется одним из наиболее сложных элементов процесса наработки соответствующего управленческого и педагогического опыта. Инорегиональным учащимся, не желавшим работать на заводе (из-за непривычного климата; профессий, не соответствующих их предпочтениям), предлагалось выполнять непрестижную работу в общежитии (мыть полы, выхлопывать матрасы и т. д.), что признавалось эффективным методом мотивации [Там же, л. 95—96].

5. Заключение

Необходимость приспособления учебных заведений Государственных трудовых резервов Свердловской области к миграционному воздействию и выработка соответствующих адаптационных механизмов приобретают особое значение в начальный период Великой Отечественной войны в связи с массовой эвакуацией учебных заведений и учащихся из прифронтовой полосы, увеличением межобластных перевозок и доли призывников из других регионов страны в контингенте учащихся, масштабной передачей в учебные заведения освобождаемых от наказания молодых заключенных.

Механизмы адаптации к миграционному воздействию не меняли основные принципы функционирования системы Государственных трудовых резервов, как правило, исходили из практики конкретных учебных заведений, носили ситуативный характер (ad-hoc), для утверждения и тиражирования требовали одобрения областного управления Государственных трудовых резервов. Механизмы адаптации обладали рядом общих характерных черт:

- были нацелены преимущественно на повышение лояльности учащихся к системе трудовых резервов, предотвращение прогулов, невыходов на работу, нарушений дисциплины, побегов учащихся, способствуя созданию равных условий учебы и быта прибывшим из других регионов и местным учащимся;
- в своей совокупности охватывали все основные локации в жизни учащихся (училища и школы ФЗО, общежития, производственные мастерские, рабочие места на предприятиях);
- не требовали значительного объема дополнительных материальных ресурсов, а скорее представляли собой практики эффективного распределения имеющихся;
- были направлены на задействование механизмов самомобилизации, то есть предполагали активизацию участия самой молодежи в организации учебно-воспитательной работы и производственной деятельности;
- носили внутрисистемный характер и не могли привести к изменению внешних по отношению к системе правил;
- представляли собой более эффективную альтернативу карательным и принудительным механизмам, позволяя отказаться от сплошного применения последних (что зачастую было объективно невозможно).

Выработка системы взаимосвязанных механизмов адаптации свидетельствует о попытках Государственных трудовых резервов обеспечить поддержку снизу выполнения учебных и производственных задач в тяжелых условиях войны и послевоенного восстановления.

Источники и принятые сокращения

- 1. ГАРФ *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р-9507. Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР.
- 2. ГАСО *Государственный* архив Свердловской области. Ф. Р-2033. Свердловское областное управление профессионально-технического образования.
- 3. РГАЭ *Российский* государственный архив экономики. Ф. 4372. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР).
- 4. ЦДООСО *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС.

Литература

- 1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 338 с.
- 2. Захаровский Л. В. Эвакуация и резвакуация учебных заведений и учащихся Государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков // Научный диалог. 2019. № 11. С. 306—322. DOI : 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322.
- 3. *Постников С. П.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 228 с. ISBN 5-7691-1478-9.
- 4. Ситникова Е. Л. Социальная адаптация трудовых мигрантов : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Е. Л. Ситникова. Нижний Новгород, 2013. 130 с.
- 5. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 359 с. ISBN 978-5-8243-1593-6.
- 6. *Kucherenko O.* State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II / O. Kucherenko // The Russian Review. 2012. № 71. Pp. 391—412.

EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE SYSTEM OF STATE LABOR RESERVES OF THE USSR IN 1941—1954: ADAPTATION TO MIGRATION IMPACT (MATERIALS FROM THE SVERDLOVSK REGION)¹

© Leonid V. Zakharovsky (2021), orcid.org/0000-0003-0951-2080, PhD in History, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State Vocational Pedagogical University" (Yekaterinburg, Russia), konung-75@mail.ru.

¹ The article was written as part of a study carried out at the expense of the RFBR (project № 19-09-00396).

© Sergei L. Razinkov (2021), orcid.org/0000-0002-0018-7931, PhD in History, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian State Vocational Pedagogical University" (Yekaterinburg, Russia), sergerazinkov@mail.ru.

The experience of adaptation of educational institutions of the regional system of stationary training of qualified workers in the context of the migration impact in the 1940s the first half of the 1950s is considered. A number of approaches in modern domestic and foreign historiography, postulating the existence, along with punitive and coercive mechanisms of ensuring the loyalty of the Soviet working class, a number of administrative practices that provided significant support for state policy "from below," from the working masses, are highlighted. It is shown that the awareness of the impossibility of widespread use of compulsory punitive mechanisms without restriction was formed directly during the implementation of state policy in the 1940s - mid 1950s, it was also represented among the leaders of the system for training young skilled workers — the State Labor Reserves. It is noted that such an understanding leads already at the beginning of the 1940s, in the most difficult conditions of the initial period of the Great Patriotic War, to the development among the leadership of educational institutions and the regional administration of the State Labor Reserves mechanisms for adapting educational institutions and students to a complex of problems caused by the powerful migration impact. The authors identified four groups of such mechanisms that ensured the minimum sufficient level of student loyalty to solving educational and production problems: agitation and information; organizational; economic and material and household; sociocultural.

Key words: State labor reserves; Sverdlovsk region; migration flows; adaptation mechanisms of educational institutions; evacuation; interregional transportation of conscripts.

MATERIAL RESOURCES

- GARF Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-9507. Uchrezhdeniya po rukovodstvu professionalno-tekhnicheskim obrazovaniyem v SSSR [State Archive of the Russian Federation. F. R-9507. Institutions for the management of vocational education in the USSR]. (In Russ.).
- GASO Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. R-2033. Sverdlovskoye oblastnoye upravleniye professionalno-tekhnicheskogo obrazovaniya [State Archive of the Sverdlovsk region. F. R-2033. Sverdlovsk Regional Department of Vocational and Technical Education]. (In Russ.).
- RGAE Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 4372. Gosudarstvennyy planovyy komitet Soveta Ministrov SSSR (Gosplan SSSR) [Russian State Archive of Economics. F. 4372. State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR)]. (In Russ.).
- TsDOOSO Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. F. 4. Sverdlovskiy oblastnoy komitet KPSS [Documentation center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4. Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU]. (In Russ.).

REFERENCES

Antufev, A. A. (1992). Uralskaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: UrO RAN. 338 p. (In Russ.).

- Filtser, D. (2011). Sovetskiye rabochiye i pozdniy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovleniye stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny [Soviet workers and late Stalinism. The Working class and the Restoration of the Stalinist System after the end of the Second World War]. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina». 359 p. ISBN 978-5-8243-1593-6. (In Russ.).
- Kucherenko, O. (2012). State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II. *The Russian* Review, 71: 391—412. (In Russ.).
- Postnikov, S. P., Feldman, M. A. (2004). Gosudarstvo i professionalnaya podgotovka rabochikh kadrov promyshlennosti Urala v 1900—1940 gg. [The state and professional training of workers in the Ural industry in 1900—1940]. Ekaterinburg: UrO RAN. 228 p. ISBN 5-7691-1478-9. (In Russ.).
- Sitnikova, E. L. (2013). Sotsialnaya adaptatsiya trudovykh migrantov. PhD Diss. [Social adaptation of labor migrants. PhD Diss.]. Nizhniy Novgorod. 130 p. (In Russ.).
- Zakharovskiy, L. V., Razinkov, S. L. (2019). Evacuation and Re-Evacuation of Educational Institutions and Students of the State Labor Reserves during the Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], *11*: 306—322. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-306-322. (In Russ.).